

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 16.

15 АВГУСТА

1910 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: Сиб. Вознесенскій, 36, кв. 4. Телефонъ 287-55.

Безобразова М. С. «Исторія одного воробья». Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна 25 к.

Бьялевская О. А. «Капель» Стихотворенія. Цѣна въ папкѣ 75 к., въ обложкѣ 40 к.

Кондурушнинъ И. С. «Въ деревнѣ». Разказы. Съ рис. Цѣна 25 к.

Купринъ А. И. «Слонъ». Съ рисунк. Цѣна 25 к.

Кэрроль Льюисъ. «Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ». Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Лондонъ Джэнь. «Букъ». Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунк. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к.

Малахіева-Мировичъ В. Г. «Золотой домъ». Сборникъ разказовъ. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Манасеина Н. И. «Разказы для дѣтей». Со многими рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія признана подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній

Манасеина Н. И. «На Рождествѣ». Три разказа. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и признана заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Манасеина Н. И. «Мамино дѣтство». Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльн. рис. на мѣловой бумагѣ. Ц. въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Полизановъ В. П. «Воронъ».—«Индѣйцы». Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Елка». Стихи для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 35 к.

Соловьева П. С. «Семилѣтка». Народныя сказки. Съ рисунк. Изданіе 2-е. Ц. въ папкѣ 80 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

Соловьева П. С. «Свадьба солнца и весны». Пьеса въ стихахъ. Съ рисунк. Ц. 20 коп.

Соловьева П. С. «Разгадай». Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Ц. 25 коп.

Соловьева П. С. «Березкины именины». Пьеса въ стихахъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Первое Апрѣля». Комедія въ одномъ дѣйствіи. Ц. 10 к.

Соловьева П. С. «Няня». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Ц. 15 к.

Соловьева П. С. «Чудесная ночь». Пьеса въ стихахъ. Ц. 20 к.

Шалуръ Н. Л. «Люди и звѣри». Съ рисунками. Ц. 25 к.

Франсъ Анатоль. «Пчелка». Сказка. Съ рис. Изданіе 2-е. Переводъ Н. Манасеиной. Ц. 25 к.

Allegro. «Дѣти зимой». Открытки въ краскахъ. Ц. за дюжину 25 к., съ пересылкой 35 к.

Выписывающіе книги изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Подписчикамъ „ТРОПИНКИ“ дѣлается уступка въ 20%.

На выставкѣ „Искусство въ жизни ребенка“ 1909 г. издательству „Тропинка“ присуждена золотая медаль.

1910 годъ.

Августъ № 16.

ЖУРНАЛЪ

ТРОПИНКА.

Содержаніе.

1. Жизнь Хитролиса—*П. Соловьевой*. Рисунки *Рабы*.
2. Кораллы—*Эвальда*. (Окончаніе).
3. На родинѣ первыхъ людей—*П. Инфантьева*. (Продолженіе).
4. Народныя поговорки и примѣты на августъ.

Жизнь Хитролиса.

Приключеніе шестнадцатое.

Зубъ Рычлая.

ПОСТАНОВЛЕНІЕМЪ собранья

Быль очень недоволенъ волкъ:

Начнутся споры, пререканья,

Какой же тутъ возможенъ толкъ!

А Хитролисъ всегда сумѣеть

Заговорить всѣхъ на судѣ.

Самъ Благородъ его жалѣеть.

И волкъ рѣшилъ въ такой бѣдѣ

Къ Рычлаю прямо обратиться.

Подъ тѣнью дерева бульдогъ

Дремалъ. „Вѣдь можетъ разсердиться:

Онъ нравомъ-то куда какъ строгъ!“

Подумалъ Изенгринъ тревожно.

„А впрочемъ, Мохофдъ былъ правъ,

И подойти къ Рычлаю можно:

Сердитъ онъ, грубъ, но не лукавъ.

Онъ не способенъ притворяться,

Быть льстивымъ для отвода глазъ.

Мнѣ приходилось съ нимъ сцѣпляться,

И честно грызлисъ мы не разъ.“

„Рычлай!..“ онъ вымолвилъ тихонько.

Песъ лѣвый глазъ свой пріоткрылъ

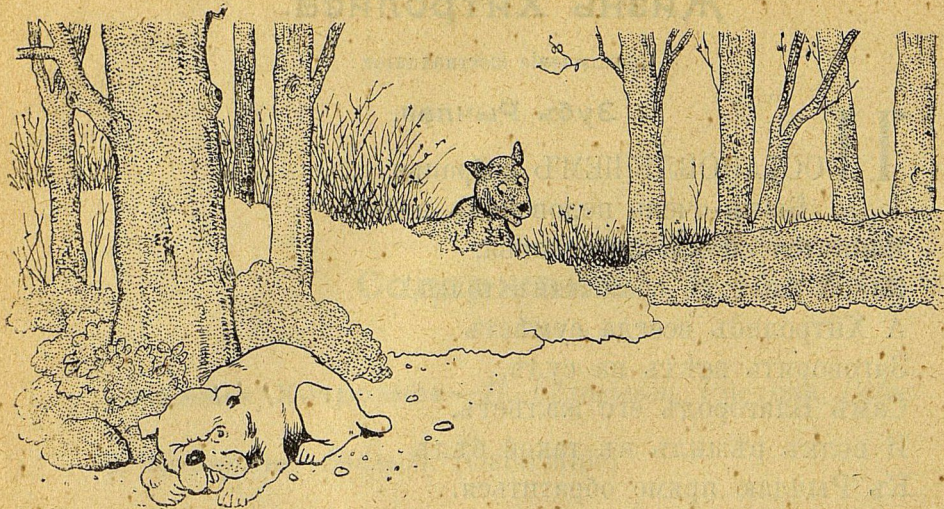
И всталъ. „Попробуй, сунься, тронь-ка!“

Безъ словъ онъ ясно говорилъ.

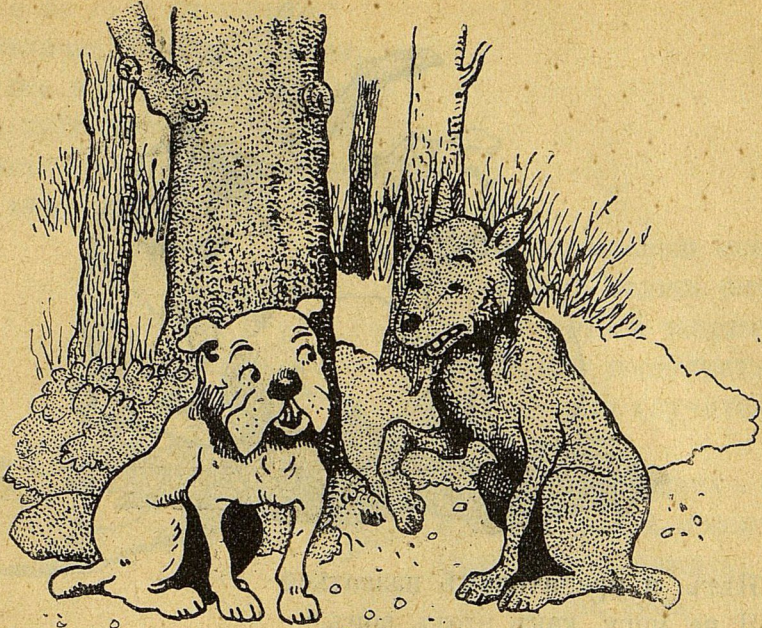
„Чтобъ дѣлать видъ такой враждебный,

Совсѣмъ не вижу я причинъ.

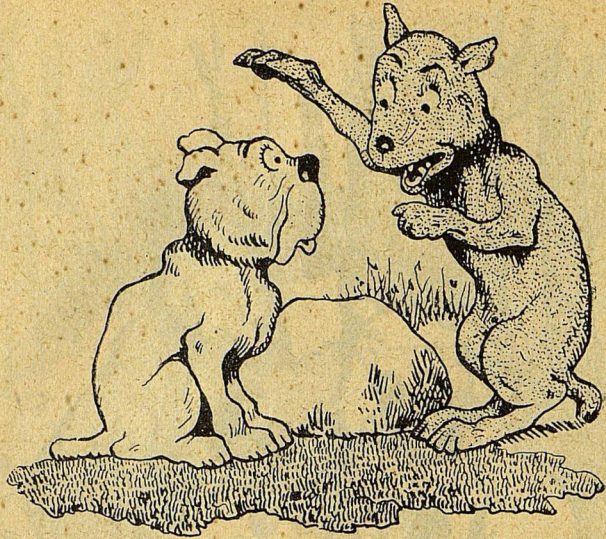
Пришелъ я про допрось судебный

Спросить васъ,“ молвилъ Изенгринъ.
„Просителемъ я здѣсь являюсь
И милости я жду отъ васъ.
О чемъ просить я собираюсь—
Предъ вами изложу сейчасъ.“
Волкъ видъ имѣлъ такой смиренный,
Что догъ свой взглядъ перемѣнилъ.
„Въ чемъ дѣло, Изенгринъ почтенный?“
Онъ очень вѣжливо спросилъ.
„Мессиръ, прошу васъ терпѣливо
Меня прослушать до конца.
Лисъ оскорбилъ несправедливо
Во мнѣ и мужа, и отца.
Собранье общее рѣшило
Предать обоихъ насъ суду
И доказательства спросило.
Скажите, гдѣ я ихъ найду?“

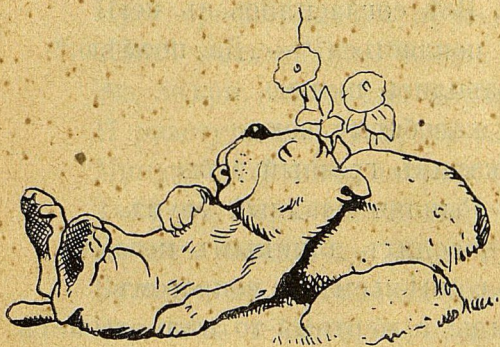
Когда племянникъ зло затѣетъ,
Другихъ онъ не предупредить,
Концы все спрячетъ и сумѣетъ
Невинный самый сдѣлать видъ.
Мнѣ просто страшно съ нимъ судиться:
Всехъ судей одурачить онъ.
Я и рѣшилъ къ вамъ обратиться,
Вы въ лапахъ держите законъ
И вы должны, какъ предсѣдатель,
Рѣшить въ судѣ, кто правъ изъ насъ,
Такъ помните же: онъ предатель.
А если въ прошломъ мнѣ не разъ
И приходилось съ вами драться,
То честный бой, вѣдь, не позоръ,

Нѣтъ, и предателемъ назваться
Я не могу, какъ этотъ воръ.“
Хотя Рычлай особой дружбы
И къ Изенгрину не питаль,
Но нужнымъ счель по долгу службы
Быть безпристрастнымъ и сказалъ:
„Я васъ вполнѣ считаю правымъ,
Но доказательствъ нѣтъ у васъ.
Съ лукавымъ надо быть лукавымъ,
Такъ жизнь и опытъ учать насъ.
Народъ звѣриный соберется,
И вы съ племянникомъ вдвоемъ
Придете. Пусть онъ поклянется,
Что неповинень онъ ни въ чемъ...“
„Вы полагаете, смутиться
И растеряться можетъ онъ?
Нѣтъ, клятву дать не побоится.

И я не буду отомщенъ.“
„Отлично Хитролиса зная,
Я все придумалъ напередъ:
На зубъ мертваго Рычлая
Пусть клятву онъ произнесеть.
Я мертвымъ притворюсь умѣло.

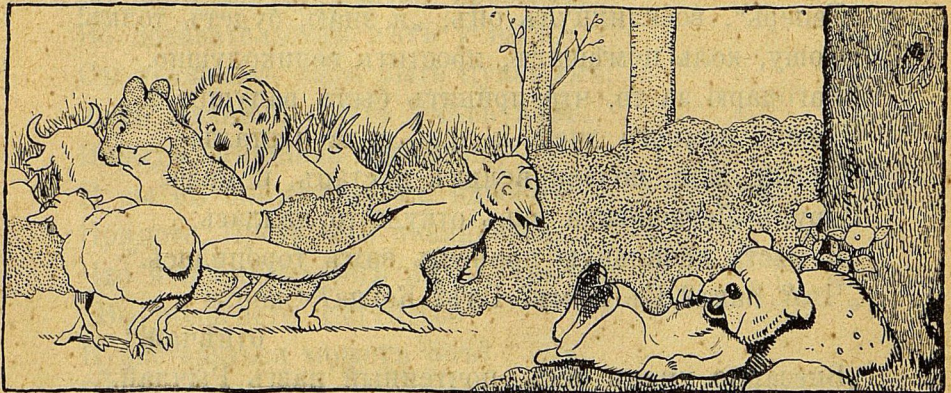

И вы, оплакавши меня,
Виновнаго ведите смѣло.
Моихъ друзей запрячу я.
Пусть все посмотрятъ,
что случится:
Я не сомкну
застывшихъ губъ,
И, если Рыжій побоится
Мнѣ лапу положить
на зубъ

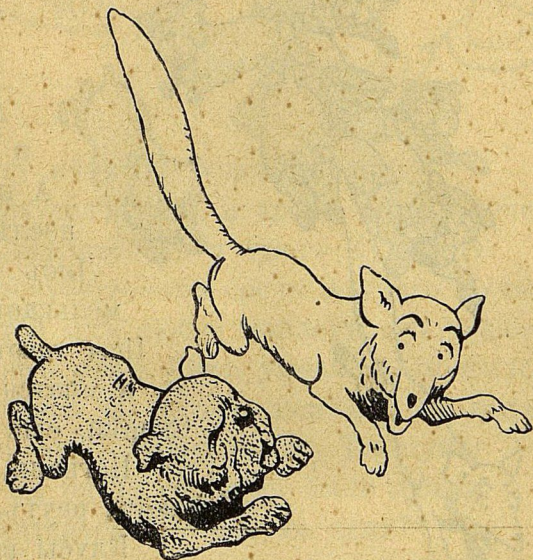
И вздумаетъ задать онъ тягу,
Его не стану я щадить:
Моихъ друзей спущу ватагу
И, вѣрьте, Рыжему не жить.“

Рычлая выдумкой доволенъ очень волкъ.
„Теперь“, воскликнулъ онъ, „я знаю, будетъ толкъ!
Прошу, коль помѣшалъ, простить великодушно.
Благодарю за то, что принять былъ радушно.“
Прошло немного дней, и день суда насталъ.
Летѣли, шли, ползли великъ и старъ, и малъ.
Вдругъ Легконожка лань откуда-то явилась:
„Я вѣсть печальную принести вамъ торопилась.“
„Что? Какъ? Съ кѣмъ? Гдѣ? Когда? Скорѣе
отвѣчай!“
„Внезапно умеръ песъ, почтенный нашъ Рычлай.“

Тутъ всё разохались, иные зарыдали.
Рычлая знали всё и очень уважали.
„Рычлая память чтить обязанъ весь народъ.
Пусть клятву Хитролись надъ нимъ произнесетъ,
На зубъ мертваго Рычлая поклянется
И отъ своей вины трикраты отречется“.
Такъ предложила Лань. Всё согласились съ нею.
„Посмѣешь, Хитролись, поклясться?“— „Да, посмѣю.“
Тогда немедленно направились толпою,
Давъ волю горестному, жалобному вою,
Туда, гдѣ на травѣ, оскаливъ грозный зубъ,
Подъ деревомъ лежалъ Рычлая хладный трупъ.
Подходить Хитролись, поводитъ длиннымъ носомъ,
На пса прищурился съ сомнѣньемъ и вопросомъ.
Кругомъ обходить,—глядь! а мертвый-то вѣдь дышетъ:
Дыханіе бока чуть видимо колышетъ.
„Я приговоръ суда исполню безъ сомнѣнья,“
Промолвилъ Хитролись, „но долженъ заявленье
Я сдѣлать важное, обмана не желая...“
„Клянись!“ кричали всё, „хотимъ почтить Рычлая!“

Тут подошел барсукъ. Взглянулъ и видитъ тоже:
Совсѣмъ на мертваго, какъ будто, не похоже,
А къ Хитролису былъ Толстунъ расположенъ.
Вотъ онъ и говоритъ: „Вѣдь Лисъ не осужденъ,
А только долженъ дать онъ клятву всенародно.
Такъ дайте же ему вы двигаться свободно.
Пусть распорядится почтенный Мохофдъ.“
„Да,“ подтвердилъ олень, „тѣснить его не слѣдъ.
Эй, звѣри, слушайте: пошире разступись!“
И разступились всѣ, да такъ, что Хитролисъ,
Минуту улучивъ, скорѣй давай Богъ ноги!
Такъ въ бурю рыжій листъ несется безъ дороги.
Но изъ засады въ мигъ товарищей Рычлая,
Бульдоговъ, бросилась стремительная стая.
Вскочилъ и самъ Рычлай и во главѣ собакъ
Помчался съ воплемъ: „Стой! Вотъ ты клянешься какъ!“

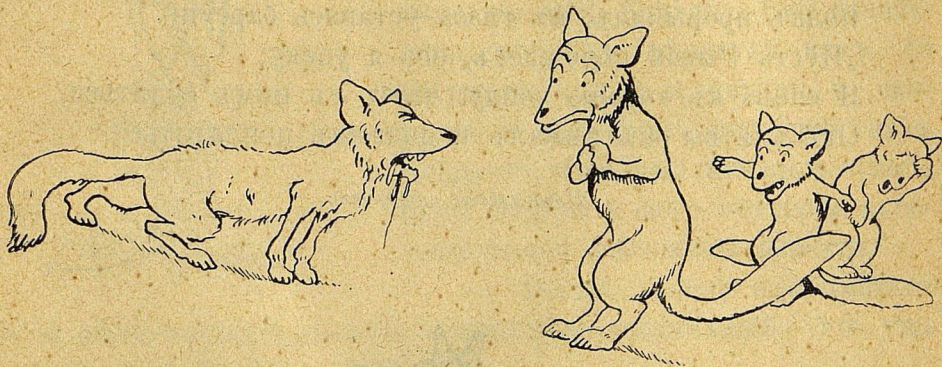
За нимъ бѣжить Ворчунъ, его ближайшій другъ,
За Ворчуномъ Морданъ, а за Морданомъ Букъ.
За Букомъ Лисоловъ, за Лисоловомъ — Сайка,
За Сайкою Угрюмъ, а за Угрюмомъ Лайка.
За Лайкой Волкогрызъ,
за Волкогрызомъ Кнуръ.

За Кнуромъ Догоняй,
за Догоняемъ Хмуръ,
За Хмуромъ Перескокъ,
а вслѣдъ за нимъ
Рычалка,
За нею Загрызай,
а слѣдомъ
Догонялка.

Съ ней рядомъ
дѣтства другъ
и братъ ея Зубанъ,
А наверху, въ концѣ,
последнимъ—Голованъ.
Лись рыжей молніей
мелькаетъ здѣсь и тамъ.
Псы лаютъ и рычатъ,
и мчатся по пятамъ.
Скорѣй, еще скорѣй!
Нагнали, окружили,
Кусаютъ, рвутъ, вопять...
Клубы взлетаютъ пыли.

Еще бѣ мгновение—и Хитролись погибъ,
Его всего въ куски бульдоги разнесли бѣ,
Но въ этотъ страшный мигъ, среди такой бѣды,
Успѣлъ онъ въ лѣсъ скользя и замести слѣды.
Весь въ клочьяхъ и крови, то бѣгомъ, то ползкомъ,
И плача, и кряхтя, вернулся онъ въ свой домъ,
Гдѣ на искусанную голову и спину
Повязки положить просилъ онъ Эрмелину.
Всплеснула лапами несчастная жена,

Къ супругу нѣжнаго участія полна.

„Отецъ искусанъ весь, а кровь такъ и течеть!“

Рыдалъ Сверлизаборъ и охаль Худородъ.

И Лисъ почувствовалъ средь жгучаго мученья,

Что въ этой ихъ любви найдетъ онъ утѣшенье.

А Изенгринъ межъ тѣмъ ужасно возмущался,

Что Хитролись на зубъ бульдогамъ не попался.

Со злобою, рыча, бранилъ онъ Толстуня:

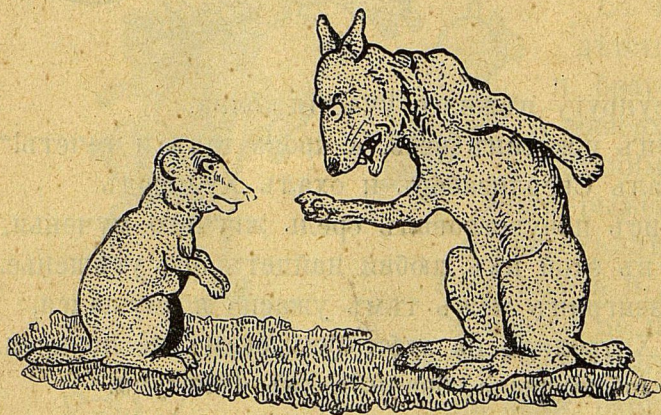
„Зачѣмъ ты впутался, кому была нужна

Твоя предательская морда на судъ?“

„Но“, возражалъ Толстунъ, „а справедливость гдѣ?“

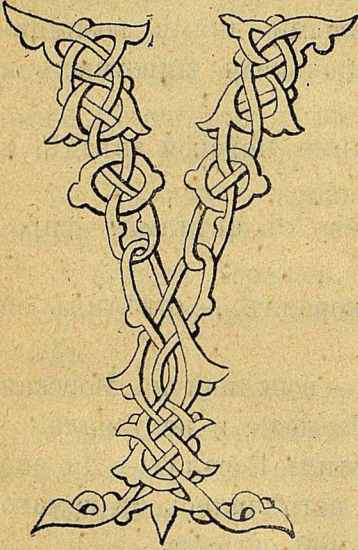
Вѣдь правъ былъ Хитролисъ, что клясться отказался,
И мертвый вашъ Рычлай живымъ, вѣдь, оказался.
А кромѣ этого—простите вы меня—
Не смѣлъ онъ псовъ спускать,—вѣдь это западня!“
„Что? Я чего не смѣлъ? Пр-р-рошу я, пр-р-родолжай!“
Случайно проходя, вмѣшался въ споръ Рычлай.
Толстунъ весь задрожалъ и молвилъ: „Нѣтъ, я такъ,
Я не виню тебя и всѣхъ твоихъ собакъ.
Пытался защитить я Хитролиса только.“
„Онъ защитится самъ, а ты молчать изволь-ка!“
Волкъ прорычалъ, въ глаза уставясь барсуку.
„Пусть Рыжій подождетъ, его я упеку:
Я снова къ королю пойду, чтобъ съ нимъ судиться.
Отъ клятвы онъ бѣжалъ и долженъ поплатиться.“

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кораллы.

(Окончаніе).

НЕГО, какъ и у Морской звѣзды, тоже выросли руки, но ихъ было гораздо больше, и онѣ расположились вѣнкомъ вокругъ его рта. Теперь у него уже былъ ротъ и желудокъ. И еще что-то новое замѣтилъ въ себѣ Коралль. Ему показалось, что онѣ дѣлается какъ - то тверже и крѣпче и внутри, и снаружи. И не успѣлъ онѣ еще, какъ слѣдуетъ, поразмыслить надъ этимъ, какъ внутри у него очутился кусочекъ самой настоящей извести.

— Теперь можно приниматься и за дѣло,— подумалъ онѣ, совершенно счастливый,—это уже начало для острова.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день у него на боку образовалась шишечка, очень похожая на почки, которыя бываютъ на земныхъ деревьяхъ. Изъ этой шишечки-почки образовался уже самый настоящій звѣздистый Коралль съ руками, со ртомъ, съ желудкомъ и съ кусочкомъ извести внутри. Но этотъ новый Коралль былъ скрѣпленъ со старымъ, какъ скрѣплены бываютъ вѣтви на деревѣ.

Очень радовался всему этому старый Коралль.

— Все прекрасно налаживается,— сказалъ онѣ,— вотъ уже насъ двое. — И онѣ сталъ рассказывать новому Кораллу объ островѣ, который они должны вдвоемъ построить, и новый

Коралль былъ согласенъ съ нимъ во всемъ. Каждый изъ нихъ выбросилъ снова по двѣ новыхъ почки. Такъ пошло и дальше и продолжалось до тѣхъ поръ, пока не выросло чудесное вѣтвистое коралловое дерево, всѣ вѣтки котораго были унизаны звѣздистыми кораллами. Цѣлыми днями возились они руками въ водѣ, охотились на маленькихъ животныхъ и отправляли добычу себѣ въ ротъ.

Случилось какъ-то проплывать мимо Морской звѣздѣ, и она остановилась въ удивленіи.

— Что это тамъ за странное дерево съ цвѣтами?—спросила она.

— Я не дерево. Я Звѣздистый коралль, — отвѣтилъ ей Коралль.

— Вотъ, какъ! Да вѣдь это ты? — воскликнула Морская звѣзда.—Ужасно ты измѣнился! Я тебя даже и не узнала!

— И я тебя тоже не узналъ, отвѣтилъ Коралль.—Да оно и не мудрено, вѣдь мы съ тобой не встрѣчались съ самага дѣтства.—Теперь я, какъ разъ, строю мой островъ.

— Неужели ты все еще думаешь объ этихъ глупостяхъ?—спросила со смѣхомъ Морская звѣзда.—Я надѣялась, что съ годами ты станешь умнѣе. Да ты и не одинъ, какъ мнѣ кажется.

— Да, не одинъ,—отвѣтилъ Коралль.—Я выбросилъ почки, и у меня теперь вѣтки. Всѣ цвѣты, которые ты теперь видишь,—это кораллы—животныя. Они работаютъ вмѣстѣ со мной надъ островомъ.

— Вотъ какъ!—произнесла Морская звѣзда.—Значить, ты учредилъ цѣлое общество? Это очень умно съ твоей стороны. Одному тебѣ это было бы не подъ силу. И что же, ладите вы всѣ вмѣстѣ?

— Отлично! — отвѣтилъ Коралль. — Мы всѣ, какъ одна

семья. Мы всегда всё вмѣстѣ и всегда заодно. Вотъ, напримеръ, ты только хорошенько представь себѣ это: одинъ изъ насъ ѣстъ, а другіе въ то же время тоже испытываютъ удовольствіе отъ ѣды.

— Однако! Вы далеко зашли! — проговорила Морская звѣзда. — Мнѣ, признаюсь, очень и очень неприятно, если лакомый кусочекъ попадаетъ въ чужой желудокъ.

— Не понимаешь ты меня, — сказалъ Коралль.

— Прощай! — крикнула Звѣзда. — Желаю тебѣ удачи съ твоимъ островомъ.

А старый Коралль, тотъ, который былъ въ самомъ низу у корней дерева, шепнулъ одной изъ своихъ ближайшихъ почекъ:

— Ты и я — мы одно. Ничто не въ силахъ насъ разъединить. Мы принадлежимъ другъ другу, мы оба хотимъ одного, — хотимъ построить островъ.

Почка передала это ближайшей почкѣ, та слѣдующей, и такъ пошло все дальше и дальше, пока, наконецъ, всѣ животныя до одинаго не узнали объ этомъ рѣшеніи.

И въ то время, когда у дерева пробивались все новыя и новыя вѣтви, у животныхъ тоже рождались дѣти и плавали въ водѣ. Это были крошечныя прозрачныя существа, всѣ покрытыя тончайшими волосиками. Они наслаждались свободой, пока еще были дѣтьми, но въ каждомъ изъ нихъ жила мечта объ островѣ, и какъ только они выросли, тотчасъ же присаживались, плотно прильнувъ къ старому Кораллу, выбрасывали почки и разрастались въ дерево.

— Теперь ужъ я больше не могу, — сказалъ какъ-то старый Коралль.

Вокругъ него стоялъ цѣлый лѣсъ изъ Звѣздистыхъ коралловъ. Его бѣлыя вѣтви переплетались другъ съ другомъ,

и на каждой изъ нихъ сіяло по очаровательному цвѣтку— звѣздѣ. Вѣтви выбрасывали все новыя и новыя почки и рассылали въ Божій міръ цѣлые милліоны маленькихъ коралловыхъ дѣтей.

Въ то время, какъ они все строили и строили, ни на минуту не забывали они объ островѣ.

Старый Кораллъ могъ гордиться своимъ созданіемъ. Вѣдь онъ былъ пра—пра—пра—прадѣдушкой всего.

— Помните островъ!—повторилъ онъ еще разъ и умеръ. Вода унесла его тѣло, но на коралловомъ деревѣ, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, остался слѣдъ, точно отъ звѣзды.

Потомъ прошло много, много лѣтъ.

Ничто не измѣнилось. Море такъ же неизмѣнно, какъ и прежде, катило свои волны, такъ же сіяло солнце, такъ же ревѣла буря и такъ же, какъ и прежде, покачивались въ водѣ вершины деревьевъ морского лѣса. Водоросли, между которыми когда-то играли коралловые дѣти, уже давно повыврало и унесло водой, но на мѣстѣ ихъ выросли другія. Черепахи, которыя здѣсь когда-то паслись, умерли много лѣтъ тому назадъ, но на мѣсто прежнихъ явились новыя. Пропала устрица, пропала Морская звѣзда, пропали и пестрыя рыбы, которыя когда-то плавали между деревьями. А чудовищнаго кита, того самаго, который однимъ глоткомъ проглотилъ всѣхъ дѣтей Морского киселя, ударили со всего размаха гарпуномъ въ затылокъ. Такъ онъ былъ пойманъ, убитъ, и изъ него вытопили огромное количество ворвани.

Но хотя и исчезли всѣ прежнія животныя, но на ихъ мѣсто явились потомки, и потомки эти имѣли такой же видъ и вели себя совсѣмъ такъ же, какъ и предки ихъ. И до такой степени эти новыя походили на прежнихъ, что между тѣми и другими не было ни малѣйшей разницы.

Только на томъ мѣстѣ, гдѣ прицѣпилось коралловое дитя, чтобы построить свои островки, все было совѣмъ по-другому. Здѣсь разрослось цѣлое множество коралловыхъ деревьевъ и они продолжали все расти и расти. Цѣлые миллионы крошечныхъ коралловыхъ дѣтокъ плавали повсюду и опять возвращались домой къ своимъ родителямъ. Милліоны ихъ умирали. Ни единого живого существа уже не было во многихъ коралловыхъ деревьяхъ, но на каждой изъ твердыхъ известковыхъ вѣтвей были отмѣтины и выемки на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они когда-то сидѣли.

Морскія волны подхватили мертвые стволы коралловыхъ деревьевъ, разбили ихъ на куски и разбросали эти куски между другихъ деревьевъ или выкинули ихъ наверхъ. Мало по малу образовался большой и крѣпкій известковый рифъ. Рифъ этотъ все увеличивался, потому что на старыя деревья присаживались все новыя и новыя коралловыя дѣти и, крѣпко прицѣпившись къ нимъ, тоже принимались за постройку.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день они добрались до самой поверхности воды.

— Островъ готовъ! — раздались ликующіе возгласы. — Какъ жаль, что нашъ пра-пра-пра-прадѣдушка не дожиль до этой минуты!

Но радость оказалась преждевременной. Подняться надъ поверхностью воды они не могли. Маленькія существа были не въ силахъ вынести солнечнаго свѣта и не въ состояніи продолжать работу.

— Теперь мы имъ поможемъ, — рѣшили волны и, поднявъ съ морского дна два огромныхъ коралловыхъ куска бросили ихъ на самый верхъ, на всѣхъ остальныхъ.

Теперь островъ былъ, дѣйствительно, готовъ. Онъ былъ не особенно большой, но очень бѣлый и весь сіялъ на солнцѣ,

а кругомъ него повсюду, куда только хваталъ взоръ, была вода и вода, ничего, кромѣ воды. Однажды на островъ прилетѣла чайка и усѣлась здѣсь.

Земля, большая, круглая земля, которая вмѣстѣ съ мѣсяцемъ вращается въ воздушномъ пространствѣ кругомъ солнца, какъ разъ въ это время была въ очень плохомъ расположеніи духа. Ее сердилъ мѣсяць, а она еще не успѣла совладѣть со своимъ раздраженіемъ на комету, которая расстрескалась, прежде чѣмъ успѣла ей рассказать о своемъ путешествіи.

Какъ разъ въ эту пору земля въ одинъ прекрасный день взглянула на себя внизъ и увидѣла что-то вродѣ возвышенія, какъ разъ возлѣ самаго экватора. Раньше она у себя этого никогда не замѣчала.

— Это что еще за вздоръ?—сердито спросила она.

Это и былъ коралловый островъ, и когда земля узнала, какъ это все случилось, она вышла изъ себя.

— Однако, я скоро совсѣмъ сойду съ ума!—воскликнула она.—Неужели еще недостаточно, что меня одурачила хватунья комета, что надо мной подтруниваетъ глупый мѣсяць, что люди копаются въ моихъ внутренностяхъ и дѣлаютъ изъ воды сушу и сушу изъ воды, устраиваются и распоряжаются, какъ имъ вздумается,—неужели мало всего этого, и надо было еще случиться, чтобы какой-то ничтожный коралловый малютка,—такой крошечный, что его надо разглядывать въ увеличительное стекло,—сталъ хозяйничать на моей поверхности и воздвигъ бы на серединѣ моего живота настоящій островъ! Ахъ, ничтожное мягкотѣлое животное! Однако, я немедленно положу этому конецъ!

И въ то же мгновеніе морское дно опустилось, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ коралловый островъ.

Ахъ какой это былъ ужасъ! Островъ исчезъ подъ водой, а чайка съ громкимъ крикомъ поднялась въ вышину. Куски коралловъ навалились другъ на друга и разбились на тысячи кусковъ. Рыбы, раки и черепахи, спасаясь бѣгствомъ, прыгнули во всѣ стороны, и задрожали листья въ морскомъ лѣсу.

А въ водѣ между тѣмъ все стихло, только слышно было, какъ кораллы шептали другъ другу:

— Помните островъ!

И опять закипѣла работа, и опять черезъ нѣкоторое время они добрались до поверхности воды. Опять волны накинули сверху два огромныхъ коралловыхъ куска, и островъ былъ готовъ.

— Я опять сдѣлаю то же самое!—закричала земля и опустила еще глубже морское дно.

— Не забывайте острова!—шептали кораллы.

И черезъ нѣсколько времени островъ опять былъ готовъ.

— И это вы такъ всегда и будете дѣлать?—спросила земля.

— Да, такъ и будемъ всегда дѣлать,—отвѣтили кораллы.

— Въ такомъ случаѣ, я сдаюсь,—сказала земля.—Я больше не могу.

И островъ остался на мѣстѣ и стоитъ тамъ еще и теперъ. Кораллы все продолжали строить, волны помогали имъ и островъ разрастался.

Однажды къ нему подплылъ какой-то большой круглый коричневый предметъ и стукнулся объ него.

— Кто это тамъ?—спросили кораллы изъ-подъ воды.

— Это я,—отвѣтилъ предметъ.

— Я, а кто это—я?—спросили кораллы.

— Развѣ вы меня не знаете?—сказалъ предметъ.—Я кокосовый орѣхъ. Меня знаетъ цѣлый свѣтъ. Я устраиваю

острова, которые заносятся на географическія карты и въ учебники географіи. Много пѣсенокъ сочинено обо мнѣ. Одна изъ нихъ такъ начинается:

Вотъ кокосовый орѣхъ,
Самый крупный онъ изъ всѣхъ,
По морскимъ волнамъ плывесть—
Жизнь съ собою онъ несетъ.

— Все это очень можетъ быть,—сказали кораллы—но намъ это неизвѣстно. Мы сами построили островъ, и у насъ не хватало времени на пѣсни.

— Ахъ, просто невѣроятно, до чего много всякаго невѣжества на свѣтѣ,—произнесъ кокосовый орѣхъ.—А теперь только скажите мнѣ, есть ли у васъ достаточно земли для моихъ корней. Я хочу вырасти пальмой.

— Вотъ оно что!—шепнули другъ другу кораллы.—Это пальма!

И они вѣжливо попросили кокосовый орѣхъ приплыть къ нимъ немного позднѣе. Они обѣщали ему сдѣлать все возможное, чтобы добыть землю.

— Согласенъ!—объявилъ орѣхъ.—Значить я еще съ годикъ поплаваю въ морѣ. Моя скорлупа такая толстая, что выдержать. Сказалъ и уплылъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ только кораллы замѣчали въ водѣ водоросль или мертвую рыбу, или морскую звѣзду, или что-нибудь въ этомъ родѣ, они просили, чтобы волны выбросили все это на островъ, и все это сгнивало на солнцѣ и обращалось въ землю. Прилетѣли на островъ морскія птицы и оставили на немъ свой пометъ, а въ пометѣ оказалась вишневая косточка. Она пустила ростки и сдѣлалась чуднымъ деревомъ.

Однажды къ острову прибило волной огромный, пустой внутри, древесный стволъ. Онъ долго пролежалъ на островѣ,

и когда сгниль, то изъ него вывалились случайно попавшія туда сѣмена разныхъ травъ. Черезъ нѣсколько времени островъ зазеленѣль. Въ стволѣ оказались еще и двѣ ящерицы. У нихъ родились дѣти, и всѣ онѣ нашли островъ очень пріятнымъ и удобнымъ для жизни.

Наконецъ, къ острову подплыль и кокосовый орѣхъ.

— Поднимите меня наверхъ! — сказалъ онъ волнамъ. Онъ принялся, сталъ расти и выросъ въ чудесное дерево. Кругомъ него падали на землю зрѣлые орѣхи, пускали ростки, и скоро на островѣ выросла цѣлая кокосовая роща. Прилетали птицы, вили гнѣзда на деревьяхъ. Появились цвѣты, а за ними налетѣли пчелы, мухи и бабочки.

И, наконецъ, въ одинъ прекрасный день, къ острову подъѣхалъ человекъ на лодкѣ. Корабль, на которомъ онъ ѣхалъ, пошелъ ко дну, и нѣсколько дней его носило по волнамъ. Человекъ былъ голодень, ему хотѣлось пить. Онъ пришелъ въ восхищеніе отъ всего, что увидѣль на островѣ. Онъ сошелъ на землю, поѣлъ кокосовыхъ орѣховъ и устриць, потомъ построилъ себѣ жилище и сталъ жить, въ ожиданіи, когда къ острову пристанетъ корабль и отвезетъ его на родину.

А кораллы подъ водой все продолжали строить. Островъ казался имъ все еще недостаточно большимъ.

— Ахъ, если бы только наши пра-пра-пра-пра-прадѣдушки могли все это увидать,—говорили они другъ другу.

Перевель съ нѣмецкаго *Н. Фоминъ*.

Конецъ.

На родинѣ первыхъ людей.

XIX.

Тополь.

СОЛНЦЕ перешло уже за полдень, когда Семеновъ, взобравшись на одинъ изъ бархановъ, увидалъ вдали кустикъ тамариску. Сердце его забилося отъ радости: значить, скоро — конецъ пустыни, если стали появляться растенія! Онъ ускорилъ шаги, чтобы добраться поскорѣе до этого, приводившаго его въ восхищеніе, зеленаго кустика. Дотащившись кое-какъ, онъ съ наслажденіемъ растянулся въ его скудной тѣни и, обрывая зелень, сталъ жевать, какъ животное, сочныя иглы. Правда, это совсѣмъ не утоляло жажды, но свѣжій аромать вѣтокъ такъ пріятно было вдыхать, къ тому же въ нихъ все-таки было немного влаги, освѣжавшей пересохшую гортань. Онъ лежалъ подъ тѣнью тамариска съ закрытыми глазами и думалъ, — что - то будетъ дальше? Хватить ли силы добраться до рѣки?

И чудится ему Вѣрненская гимназія. Вотъ онъ вмѣстѣ съ Якубомъ и другими товарищами идетъ въ знойный день на рѣчку Алматинку купаться. Какъ пріятно погрузиться въ свѣжія воды рѣчущки! Но его томить сильная жажда, онъ пьетъ, пьетъ — и никакъ не можетъ досыта напиться. А знойное солнце палитъ его съ высоты безоблачнаго неба...

Онъ открылъ глаза, быстро вскочилъ и снова отправился въ путь. Вскорѣ за однимъ изъ бархановъ онъ увидалъ великолѣпный тополь съ сочною листвою. Торопливо спустился къ нему и попробовалъ было тоже жевать его листву, но она оказалась горькой.

Но тутъ вдругъ ему пришла въ голову счастливая мысль. Онъ припомнилъ, какъ когда-то въ дѣтствѣ хаживалъ съ деревенскими ребятами во время ранней весны за „березовкой“ — вкуснымъ напиткомъ, добываемымъ изъ ствола березы. Они надрѣзывали въ лѣсу только что начинавшія пускаться почки березовыя деревья, и изъ надрѣза появлялись капли сока, который они собирали въ заготовленные посудыны. И онъ вздумалъ попробовать, нельзя ли изъ ствола тополя добыть такого же соку? Съ нимъ былъ охотничій ножъ и резиновый стаканъ, который онъ всегда носилъ въ своемъ карманѣ. И вотъ онъ началъ подрѣзывать у корня стволъ тополя; изъ него дѣйствительно скоро показались капли влаги, какъ слезы, потекшія по корѣ дерева. Семеновъ надрѣзалъ стволъ поглубже и, всадивъ въ надрѣзъ ножъ въ наклонномъ положеніи, оставилъ его въ деревѣ. Вскорѣ по рукояткѣ ножа закапала влага; Семеновъ поставилъ подъ нее резиновый стаканъ и сталъ ждать, когда онъ наполнится...

Нужно ли говорить, какимъ божественнымъ напиткомъ показался ему этотъ сокъ, когда онъ осушилъ наполнившійся имъ стаканъ? Но что значилъ одинъ небольшой стаканчикъ, когда онъ готовъ былъ выпить цѣлую бочку? Онъ снова поставилъ стаканъ подъ этотъ спасительный кранъ и сталъ ждать, когда онъ капля по каплѣ опять нацѣдится. Второй стаканъ показался ему еще вкуснѣе и пріятнѣе. Онъ чувствовалъ, какъ стали восстанавливаться въ немъ силы, и какъ вливалась въ него новая жизнь. Никакое въ мірѣ вино не показалось бы ему такимъ вкуснымъ и животворнымъ, какъ этотъ сокъ тополя?

Но влаги въ тополѣ было мало, и третьяго стакана пришлось дожидаться долго. Въ ожиданіи, пока онъ медленно капля по каплѣ наполнится, Семеновъ прилежъ въ тѣни дерева и крѣпко заснулъ.

XX

По свѣжимъ слѣдамъ.

Якубъ съ Сулейманомъ дѣйствительно не скоро замѣтили исчезновеніе Семенова. А когда замѣтили, было уже поздно. Сколько они ни кричали — ихъ крикъ замиралъ въ воѣ урагана.

Они вернулись по своимъ слѣдамъ, чтобы отыскать то мѣсто, гдѣ онъ могъ отъ нихъ отстать, но слѣды скоро потерялись, занесенные пескомъ. Они подумали и пришли къ тому же заключенію, къ какому пришелъ и Семеновъ, — т. е., что не нужно удаляться отъ того мѣста, гдѣ они хватились своего спутника, а по возможности оставаться тутъ же, пока не стихнетъ бурань.

Такъ они и сдѣлали. До самой ночи толклись они на одномъ и томъ же мѣстѣ, а когда наступила темнота, и вѣтеръ началъ стихать, они сдѣлали приваль въ котловинѣ между барханами, и, измученные дневной усталостью, скоро оба крѣпко заснули.

Когда, съ восходомъ солнца, они проснулись и стали обзрѣвать окрестности, нигдѣ не было никакого признака человѣка; одна голая пустыня. Они стали обходить сосѣдніе барханы въ надеждѣ найти своего спутника, если не живого, то хоть бы мертваго; вѣдь не могли же они отъ него далеко уйти! — и вскорѣ наткнулись на свѣжіе слѣды Семенова. По этимъ слѣдамъ они отыскивали даже мѣсто его ночлега, которое, какъ оказалось, было всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ ихъ собственнаго. Какъ могло случиться, что ни онъ, ни они не могли на такомъ близкомъ разстояніи отыскать другъ друга и не слышали голоса? Но потомъ объяснилось, что, когда

Семеновъ, проснувшись ночью отъ холода, кричалъ и звалъ ихъ, они въ это время крѣпко спали, а въ ночномъ мракѣ онъ не могъ разглядѣть ихъ присутствія, хотя они были тутъ же подлѣ него, за барханомъ, на которомъ онъ ночевалъ.

И онъ ушелъ отъ нихъ.

Отыскавъ слѣды Семенова, Якубъ съ Сулейманомъ облегченно вздохнули и отправились по этимъ слѣдамъ на поиски. Однако за ночь Семеновъ успѣлъ сдѣлать большой конецъ.

Они были уже на полдорогѣ отъ того мѣста, гдѣ Семеновъ нашель тополь, пріотившій его подъ своею тѣнью и утолившій его жажду, какъ вдругъ увидали трехъ верблюдовъ, шедшихъ имъ навстрѣчу. Оказалось, что Барлыбай, боясь за участь молодыхъ людей, сейчасъ же послѣ карабурана отправился самъ съ двумя чапанами отыскивать ихъ по пустынѣ, оставивъ третьяго сторожить караванъ. И теперь, соединившись вмѣстѣ, они пошли по слѣдамъ Семенова.

XXI.

Все хорошо, что хорошо кончается.

— Вотъ онъ, наконецъ, гдѣ!—радостно вскричалъ бывший впереди другихъ Якубъ, взобравшись на вершину бархана и увидавъ съ противоположной стороны у его подошвы спавшаго подъ тополемъ товарища.

Онъ кубаремъ скатился съ верблюда и подбѣжалъ къ спавшему.

— Семеновъ, живъ ли ты, другъ?—наклонился надъ нимъ Якубъ и началъ трясти его за плечо.

Семеновъ открылъ воспаленные глаза и кинулся въ объятія своего товарища.

— Хвала Аллаху,—сказалъ Барлыбай, набожно проводя

себя ладонями рукъ по лицу и бородѣ.—Все хорошо, что хорошо кончается. Дайте ему воды и чего-нибудь поѣсть. Семенова напоили и накормили, онъ скоро оправился и рассказалъ спутникамъ о своихъ приключеніяхъ.

— Э, да онъ тутъ пречудесно было устроился: у него вонъ даже стаканъ съ какимъ-то напиткомъ! — вскричалъ Барлыбай, увидя у подошвы тополя наполненный сокомъ резиновый стаканъ; жидкость уже капала черезъ край.

— Ахъ, я и позабылъ о немъ,—сказалъ Семеновъ.—Да, господа, этотъ напитокъ—лучшій изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ. И тотъ, кто не умиралъ, какъ я, отъ жажды, едва ли можетъ составить понятіе объ его вкусѣ. Однако, вы-то, Барлыбай Тулековичъ, какъ сюда попали?

— Какъ я попалъ? Да я думалъ, что вы нашли столько сокровищъ въ мертвомъ городѣ, что не знаете, какъ и довести ихъ, а потому велъ вамъ на помощь еще трехъ верблюдовъ,—сказалъ Барлыбай, къ которому вернулось его обычное веселое настроеніе.

— А все-таки жаль, что мы не побывали въ этомъ городѣ,—съ грустью промолвилъ Семеновъ.

— Э, полно, тюря! Жалѣть тутъ нечего. Я теперь ясно вижу, что этотъ городъ со всѣми его сокровищами заколдованъ. Благодари Аллаха, что живы остались, — замѣтилъ Сулейманъ.

Остальные чапаны тоже въ одинъ голосъ подтвердили, что города, находящіеся въ пустынѣ, всѣ заколдованы, и уже не мало смѣльчаковъ поплатились жизнью за то, что хотѣли воспользоваться скрытыми въ нихъ сокровищами; что злые духи пустыни ревниво оберегаютъ ихъ отъ людей, и нужно знать особое слово, чтобы сумѣть овладѣть этими сокровищами.

Но эти соображенія мало угѣшали Семенова: онъ зналъ, что только случайность не позволила имъ осмотрѣть таинственный мертвый городъ.

Къ ночи путешественники вернулись къ каравану, оставленному на Хотанъ-дарьѣ, и на слѣдующій день отправились въ дальнѣйшій путь.

XXXII.

Хотанъ.

Почти черезъ мѣсяцъ по выходѣ изъ Вѣрнаго караванъ Барлыбая достигъ конечнаго пункта своего назначенія—города Хотана.

Слово Хотанъ по-санскритски значить: „Сосокъ земли“ и, вѣроятно, было дано ему по причинѣ богатства этой страны. Одна старинная легенда говоритъ, что здѣсь когда-то билъ изъ земли ключъ молока, которымъ кормили божественнаго младенца—Будду.

Въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. Хотанъ былъ значительнымъ городомъ и столицей могущественнаго Хотанскаго царства. Населеніе его исповѣдывало въ то время буддійскую религію и находилось подъ большимъ вліяніемъ жрецовъ, образовавшихъ особую касту, какъ теперь въ сосѣднемъ Тибетѣ. Монастырямъ и кумирнямъ не было счету, и монаховъ и ламъ было также безчисленное множество. Во время религіозныхъ процессій царь шель съ босыми ногами впереди изображенія Будды и представлялся верховному жрецу съ непокрытой головой, держа въ рукахъ благовонія и цвѣты. Всѣ обитатели края были чрезвычайно почтительны другъ къ другу. Обыкновенной формой привѣтствія при встрѣчахъ было становиться на колѣни другъ передъ другомъ.

У персовъ и арабовъ этотъ городъ славился, благодаря водящимся въ его окрестныхъ горахъ ланямъ, доставлявшимъ драгоценный мускусъ, который восточные поэты восхваляютъ за его запахъ. Въ Китаѣ Хотанъ приобрѣлъ не менѣ громкую славу, по причинѣ собираемаго въ его рѣкахъ камня Ю или нефрита, который въ старину считали обладающимъ особыми волшебными свойствами и поэтому чрезвычайно дорого цѣнили. Въ эпоху процвѣтанія Хотанскаго царства сборъ нефрита, производившійся послѣ cadaго большого разлива рѣкъ и ручьевъ, былъ открываемъ самимъ царемъ, какъ религиозная церемонія, и самыя лучшія гальки собирались на его глазахъ для государственной казны.

Но завоеваніе страны китайцами, а затѣмъ монгольскія нашествія привели Хотанъ въ упадокъ.

Въ настоящее время городъ Хотанъ сравнительно невеликъ, онъ имѣетъ всего около 20,000 жителей и славится выдѣлкою шелковыхъ матерій, войлоковъ, шелковыхъ и шерстяныхъ ковровъ, грубыхъ бумажныхъ тканей, мѣдной посуды. Горы, поднимающіяся въ южной части страны, богаты рудой—золотомъ, желѣзомъ, а также каменнымъ углемъ, залежами соли, сѣры и селитры. Благодаря этимъ минеральнымъ богатствамъ и въ особенности изобилію превосходныхъ фруктовъ, область Хотана сравнительно густо населена.

Когда караванъ вступилъ въ предмѣстья Хотана, Семёнову показалось, что онъ перенесся во времена библейскія. Всюду видѣлись важныя лица съ бѣлыми чалмами на головахъ и въ широкихъ халатахъ, верхомъ на верблюдахъ, на которыхъ мелодически позванивали колокольчики и погремушки; болѣе бѣдные ѣхали на ослахъ; даже глиняные кувшины, которыми жители черпаютъ воду изъ источниковъ, напоминали времена Авраама.

XXIII.

Уличная жизнь.

Караванъ Барлыбая остановился въ одномъ изъ караванъ-сараевъ *) у знакомаго сарта. Два друга тотчасъ же по приѣздѣ отправились на базаръ, чтобы тамъ пообѣдать: за всю дорогу они ни разу еще не обѣдали, какъ слѣдуетъ.

Базаръ, какъ и вездѣ на востокѣ, состоялъ изъ двухъ рядовъ крытыхъ лавокъ, изображавшихъ галлерею съ двухъ-этажными строеніями: внизу помѣщалась лавка, а вверху одна или двѣ комнаты, гдѣ ночуютъ приказчики и холостые хозяева. Въ городахъ Туркестана на этихъ базарахъ происходитъ весь обмѣнъ товарами: сюда привозятъ свои произведенія и сельскіе осѣдлые жители, и кочевники, и здѣсь же они приобрѣтаютъ все, для себя необходимое.

Больше всего въ лавкахъ виднѣлось фруктовъ, затѣмъ сапожныхъ и вообще кожевенныхъ издѣлій. Тутъ же были и сами сапожники, за недорогую плату починявшіе обувь прохожимъ, которые безъ стѣсненія разувались и ждали босые окончанія починки.

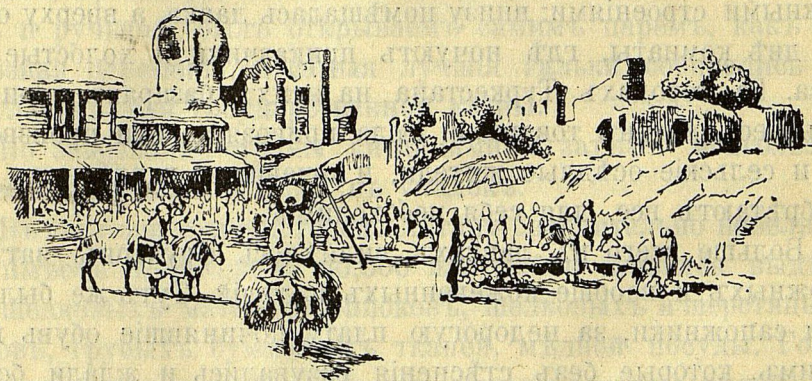
Наши пріятели зашли въ одну изъ многочисленныхъ пирожныхъ и заказали пельмени, до которыхъ оба были большіе охотники. Пирожная помѣщалась въ обыкновенной лавкѣ, только устланной коврами и болѣе уютно убранной. Здѣсь въ большихъ деревянныхъ паровикахъ, на глазахъ заказчиковъ, стряпались и варились пельмени, а также пеклись и жарились въ маслѣ пироги, вкусный запахъ которыхъ пріятно щекоталъ обоняніе проголодавшихся друзей.

— Ужъ кутить, такъ кутить: пойдемъ теперь въ чайную!—сказалъ Якубъ, когда они оба насытились.

*) Нѣчто вродѣ постоялаго двора.

Чайныя помѣщались тоже въ лавкахъ на базарѣ и походили на пирожныя, но только были болѣе удобно обставлены, и, вмѣсто деревянныхъ паровиковъ, здѣсь были грѣвшіеся чайники, и кипѣль большой самоваръ.

Чайныя замѣняютъ наши трактиры; но жители города и прїѣзжіе ходятъ сюда не для одного чаю, а главнымъ образомъ, чтобы посидѣть въ компаніи, поболтать, послушать разговоры и поглядѣть на проходящихъ. Въ особенноти бываетъ много народа по вечерамъ, когда спадетъ дневная жара.

Б а з а р ъ .

Напившись чаю, друзья пошли слоняться по городу, наблюдая уличную жизнь туземцевъ, которая была такъ непохожа на все, видѣнное доселѣ Семеновымъ.

Въ Хотанѣ, какъ и въ другихъ восточныхъ городахъ, почти все дѣлается на виду. Вонъ среди улицы, у входа въ лавку цирульникъ бреетъ одному изъ правовѣрныхъ голову, а другіе сидятъ подлѣ и терпѣливо ждутъ своей очереди, бесѣдуя между собой. Намыливъ голову пациенту, цирульникъ поворачиваетъ ее то за носъ, то за уши въ разныя стороны, а бреющійся серьезно и солидно смотритъ на проходящихъ, съ видомъ человѣка, исполняющаго религіозную обязанность.

Но едва ли не больше всего поражало друзей обиліе на базарѣ дурачковъ и юродивыхъ. Въ рубищахъ, въ тряпѣ, въ мохнатыхъ остроконечныхъ шапкахъ, съ четками въ одной рукѣ и длинной палкой съ желѣзнымъ набалдашникомъ въ другой, съ торбами за плечами расхаживаютъ они по базару, распѣвая духовныя пѣсни, за что получаютъ отъ прохожихъ по чекѣ *), по куску хлѣба или щепоткѣ табаку, или кто чѣмъ торгуетъ. Другіе ходятъ съ черепкомъ въ рукѣ, гдѣ на горячихъ угольяхъ горитъ благовонная трава, которою окуриваютъ лавки, и за это получаютъ милостыню; нѣкоторые изъ юродивыхъ гадаютъ, предсказываютъ будущее, неистовствуютъ и дико кричатъ съ пѣною у рта: это блаженные, высшій классъ юродивыхъ; попадались и совершенно нагіе—это уже святость. Всѣмъ этимъ юродивымъ даетъ пріютъ городъ въ богоугодныхъ заведеніяхъ, вродѣ нашихъ богадѣленъ, гдѣ они, впрочемъ, пользуются только квартирой, а остальное должны промыслять уже сами.

Однако самое отталкивающее впечатлѣніе произвели на друзей заведенія съ опіумомъ, въ одно изъ которыхъ они зашли изъ любопытства. Ихъ поразилъ шумъ, гамъ, крики и нестройныя пѣсни. Это шумѣли еще не успѣвшіе совершенно одурманиться курильщики опіума, который вначалѣ производитъ возбуждающее дѣйствіе, какъ водка и другіе спиртные напитки. Затѣмъ наступаетъ слабость, утомленіе. Многіе изъ посѣтителей сидѣли одурманенные, съ мутными, опьянѣлыми и безжизненными глазами, едва передвигая руками или погрузившись въ сладкую дремоту, въ созерцаніе.

Привычные курильщики опіума—это такіе же или даже болѣе несчастные люди, какъ у насъ страдающіе запоємъ.

---

*) Монета въ $\frac{1}{4}$ коп.

Тихо бьется кровь въ ихъ жилахъ, вѣчная тоска и хандра душить ихъ, ничто ихъ не веселить, ничто не радуетъ. Пристрастившійся къ опиуму охладѣваетъ къ семьѣ, къ дѣтямъ; онъ готовъ отдать все, только бы ему дали одурманивающего зелья. Блѣдные, осунувшіеся, съ оупѣлыми глазами бродятъ они, какъ лунатики или зачумленные.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Народныя поговорки и примѣты на августъ.

Иванъ постный пришелъ (29 августа)—лѣто красное увель.

Иванъ Предтеча гонить птицу за море далече.

На Купріяновъ день (31 августа) журавли собираются на болотинѣ, уговоръ держать, какимъ путемъ-дорогою на теплыя воды летѣть.

Загадка № 15.

Въ чемъ состоитъ загадка—растолкую,

И вы ее рѣшите мнѣ скорѣй:

Найдите вы часть дерева такую,

Чтобы животное большое было въ ней.

Загадка № 16.

Возьмите древнее названіе мѣшка,

Потомъ вы буквою согласною слегка

Все слово удлинните—

И чрезъ него вы въ садъ гулять идите.

Отъ кохторы редакціи.

Просимъ прочесть непременно.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копеечную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворяетъ не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., и остальные деньги не позднее 15-го Апрѣля.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по пятницамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Уловія подписки на 1910 г. на годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.

Открыта подписка на 1910 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

5-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нн.
въ годъ.

Журналъ выходитъ 1 и 15 каждого мѣсяца въ 2—3 печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ 1910 году въ „Тропинкѣ“ будетъ напечатано, между прочимъ, слѣдующее: *Эин. Венгерской „Донъ-Кихотъ“*. *З. Н. Гиппиусъ „Полетѣли“* (о воздухоплаваніи). *Е. П. Иванова „Черный мельникъ“*. *П. Инфантьева „На роданѣ первыхъ людей“*. (Путешествіе двухъ гимназистовъ по Средней Азійи). *И. С. Кондурушкина „Сказка о четырехъ вѣтрахъ“*. *Кл. В. Лукашевичъ „Нелюбимая подруга“*. *Н. И. Манасеиной „Дербетская принцесса“*. (Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II). *Проф. М. И. Ростовцева „Олишійскія игры“*. *П. Соловьевой (Allegro) „Царевна Звѣздочка“* (пьеса въ стихахъ). *Н. Л. Шапиръ „Въ зоологическомъ саду“* и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 3 руб. Для ознакомленія съ журналомъ можно выписывать его на 4 мѣсяца за 1 руб. При желаніи продлить подписку остальные деньги должны быть присланы въ редакцію не позднее 15-го апрѣля.

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1909 г.г.

Комплекты 1906 и 1907 г.г. всѣ разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 4.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели Л. Соловьева и Ж. Манаскина.

